

Что касается идеи наследования Россией славы и власти от Рима или Византии, что различно было выражено и в «Сказании о князьях Владимирских», и в «Книге степенной царского родословия», и в Посланиях монаха Филофея, то в стенописи собора она приобрела своеобразный оттенок. Олицетворением преемственности здесь служит образ Михаила Палеолога, основателя последней византийской династии, к которой принадлежала бабка царя Ивана. Это как бы передача наследия из рук в руки. Примечательно, что портрет Палеолога помещен среди ближайших предков основателей московского правящего дома.

Большая портретная группа, входящая в росписи, позволяет проследить за историческим переходом власти от князей киевских к владимирским (через образ Андрея Боголюбского), а от владимирских — к московским, хотя, безусловно, исторические концепции «Степенной книги» выражены в стенописи собора лишь в общих чертах. Родословная московских князей показана наиболее полно начиная лишь с отца Александра Невского и его братьев. Ближайшие предки Ивана Калиты и его дома вынесены в центр зала и находятся близко к зрителю, располагаясь на массивных базах столпов. Этим авторы идейного замысла росписей, видимо, стремились сделать историю более активной помощницей в утверждении идеологии самодержавия, в укреплении Московского централизованного государства. Названные князья написаны в представительных позах, и многие из них — с жестами благословения. Они покровительствуют тем, кто в XIV—XVI вв. нашел здесь себе вечный покой, т. е. Ивану Калите и его потомкам. Поэтому в отличие от своих предков князья, погребенные в соборе и изображенные в первом ярусе южной, западной и северной стен, поставлены художниками в благоговейные, смиренные позы. Они молитвенно обращены к богу. В то же время представленные в некрополе царства Московского, все они как бы под рукой великого государя. Для росписей, появившихся одновременно с введением Опричнины, это представляется весьма характерным. Ведь в галерею исторических лиц вошли также сородичи великих князей, которые были в оппозиции, попадали в немилость, враждовали с ними, отстаивали свои удельные права и привилегии, среди них — погибший в заточении опальный шурин и дальний родственник Василия Темного князь Василий Ярославич, Василий Косой, ослепленный Василием Темным во время усобной борьбы за великокняжеский стол, «развенчанный» наследник Ивана III князь Дмитрий, который вслед за венчанием шапкой Мономаха получил «в удел» темницу, а в ней и «нужную» смерть, умерший в подвале Казенного двора брат Ивана III Андрей Большой, попавшие в опалу, а затем замученные насмерть дяди Ивана Грозного Георгий Иванович Дмитровский и Андрей Иванович Старицкий (рис. 1). Известно, что для Ивана IV идея самодержавия не была полноценной без требования ко всем, как говорил он, «согласию и единомыслию содержатися в нас».³⁰ Еще на Стоглавом соборе в 1551 г. перед противниками централизации он поставил недвусмысленное условие: «всякому разногласию отныне далече быти повелеваем».³¹ Эта мысль о княжеском единстве ради укрепления самодержавия, как было показано, достаточно ясно раскрывается в росписях Московского некрополя.

С точки зрения раскрытия литературной основы росписей Архангельского собора и в связи с определением идейного смысла портретной галереи большой интерес представляют изображения Саввы и Симеона Серб-

³⁰ Стоглав, стр. 26.

³¹ Там же.